

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

М. Г. Вадейша

РУССКАЯ БАНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРА: ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ИДЕАЛЬНОМ МИРЕ¹

Баня — специальное помещение, где моются и парятся.

С. И. Ожегов. Словарь русского языка

Пойдем в баню, заодно и помоемся.

Шутка

Русская баня, это своеобразное явление традиционной культуры, занимает в фольклорном материале заметное место. Трудно найти другую крестьянскую постройку (кроме, разумеется, жилого дома), которой бы фольклорные тексты уделяли так много внимания. Баня представлена во множестве разнообразных контекстов, которые позволяют дополнить или по-иному воспринять известный нам этнографический материал.

Обычно, когда речь идет о предметах, окружающих человека, можно говорить об их практическом применении и символическом использовании. Вещь может иметь очень обширное семантическое поле, благодаря своим свойствам (которые опираются на самые разные признаки) использоваться в разных ситуациях и с разной целью, но все же прежде всего человек использует вещь чисто практически².

Иная ситуация с баней. При упоминании о ней мы сразу представляем себе процесс мытья, вспоминаем о воде и мыле, разного рода гигиенических процедурах. Это кажется оправданным: в бане мы не только паримся веником, но пользуемся также мылом, мочалкой, моем тело и голову; после бани человек действительно становится чистым. Естественно было бы предположить, что и язык так или иначе отражает это значение бани. Поскольку пословицы и поговорки являются знаками реальных ситуаций или определенных отношений между вещами³, мы ожидаем от высказываний, связанных с баней, подтверждения наших представлений о чистоте. Между тем это не совсем так или, вернее, совсем не так. Если попытаться установить значение

слова *баня* не по словарю, а с помощью фольклорных текстов, сложится совсем другая картина.

Прежде всего выясняется, что на уровне паремий связь бани с чистотой минимальна. Анализ пословиц о чистоте/нечистоте и пословиц о бане показывает, что эти темы практически не пересекаются. Категория чистоты оценивается в связи не с баней, а с водой, *мытьем*, например: *Как ни мойся, а чище воды не будешь*; *Черного кобеля не отмоешь добела* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 79); в бане же выделяются другие аспекты⁴.

Попробуем установить, с какими понятиями и областями деятельности соотносятся в языке и фольклоре баня и ее атрибуты.

Судя по данным пословиц, баня играет важнейшую роль в жизни человека: *Баня — вторая мать наша* (Снегирев, 1996. С. 503); *Когда б не баня, все б мы пропали* (Даль, 1994: 365); *Без бани бурлак пропал* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45).

Баня является совершенно необходимым элементом даже в самом бедном крестьянском хозяйстве: *Только и добра: баня стара да рубаха рвана*. Банная утварь является частью приданого: *Сито с обечайкой да веник с шайкой*, 'приданое' (Даль, 1996. Т. 4. С. 618). Выражение это ироническое, и имеется в виду полная нищета, — но даже в этом случае упомянуты атрибуты банного обихода, то есть они входят в абсолютный минимум. Ср.: потчуй гостей на свадебном пиру, дружка обращается к ним со словами: «Пожалуйте-ка, (имя-отчество), на шильцо, на мыльцо, на банное строение, на новое заведение» (Киреевский, 1911. С. 202). В этом кратком шуточном определении минимального будущего хозяйства молодых опять-таки называется баня.

Особенно большое значение ей придается в связи со здоровьем, телесным благополучием: *Пропотеть — так и жар пройдет*; *Чем шелудивого брить, лучше в баньку сводить* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 79); *Нашься луку, ступай в баню, натрись хреном да запей квасом!* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45); *Кости распаришь — все тело поправишь* (Мартынова, Митрофанова, 1986. С. 141); *Париться — не стариться* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 176).

Один из основных глаголов, связанных с баней, — глагол *править*. Согласно материалу пословиц, для бани характерна способность изменять, делать вещи «правильными», соответствующими идеальному порядку: *Баня парит, баня правит, баня все поправит*, причем значение ее в этом смысле, как говорится, трудно переоценить: *Когда б не баня, все б мы пропали* (Там же). *Правлением* называется и манипуляция, продельваемая повитухой над новорожденным. Именно в бане, во время правления младенца, происходит окончательное рождение, превращение новорожденного в человека: *Банька вторая мать* (Авдеева, 1842. С. 116)⁵. Соотнесенность бани с рождением детей находит отражение и в частушке:

*Батька баенку построил,
Косяки еловые.
Мамка деток натаскала —
Все белоголовые.*

(Частушки, 1965. С. 120)

Судя по этнографическим материалам, в результате парения изменялось и состояние родильницы, которая после родов некоторое время считалась «нечистой», то есть не совсем человеком⁶. Как и младенца, баня *исправляла* родильницу.

Согласно текстам свадебной причеты, в бане происходила утрата девического статуса (невеста *смывала* волю/красоту): *Я немного попарилась, / А уж много с себя спарила / Что свою ли девью красоту* (Иваницкий, 1884. С. 8)⁷.

Пословица даже обычной, необрядовой бане приписывает способность создавать человека заново: *После парной будто вновь на свет родился* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 176); выпарившийся в бане даже становится безгрешным, подобно младенцу: *Баня все грехи смоем; Баинька, матушка, Соломия бабушка и теплая парушка; парила, гладила, от грехов очистила* (Янович, 1903. С. 149), то есть переживает духовное рождение. Здесь подразумевается исправление души.

Значительная группа пословиц и поговорок связывает баню со свадьбой и вообще со всей областью семейных отношений. Баня может служить приметой готовящегося брака: *По рукам — да и в баню!* (на рукобитье)⁸. Интересно, что и разрыв супружеских отношений может иметь отношение к бане: *Черт с тобой, не живи со мной; пойдём в баню да разведёмся!* (Даль, 1996. Т. 4. С. 597)⁹.

Мы находим среди пословиц изречения, в которых нарушения семейного положения уподобляются недостаткам бани. Неблагополучие семьи или необычное заключение брака описывается как неправильно устроенная баня или нарушенный порядок мытья: *Мужчина без жены что баня без верха; На вдове жениться — грязное белье после бани надеть* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 265). И даже некоторая социальная «субординация» может быть сформулирована в «банных» выражениях: *Не женатому на холостого баню топить* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45). Очевидно, что сопоставление не случайно: именно в семейных обрядах баня играет исключительно важную роль. Но важно и обратное: сравнивая баню с семьей, пословица подчеркивает принадлежность бани к наиболее значимым сферам бытия.

Баня является местом, где человек может узнать свое будущее. Во многих гаданиях сам обряд происходит в бане (например, при гадании с зеркалами¹⁰) либо используются предметы банной утвари, которые кладут под подушку с приговором: *Суженый, ряженный, приходи ко мне париться* (ТА № 139¹¹); нередки и обращения непосредственно к баннику — банному духу: *Байничек, девятиугольничек, скажи, за кем мне быть замужем?* (Зеленин, 1914. С. 872).

Главное в бане — пар. Именно ему посвящено наибольшее число кратких высказываний. Древнерусское название бани — *перть*; *пар* восходит к *преть*, этимологически связанному с этим словом (Фасмер, 1986. С. 203). В современном русском языке слово *перть* утрачено¹², но баня в фольклоре (например, в свадебных причитаниях) снабжена постоянным характерным эпитетом *пбрная* или называется одним словом — *пáруша*. Вся процедура банного мытья может быть описана благопожеланиями, связанными с паром: *Парешек в бане хорош* (Даль, 1996. Т. 3. С. 20); идущего в баню провожают напутствием: *Легкого пару!* Тот, кто идет в баню первым, *наряжает пар*; входя в баню, говорят: *Пар в бане! Пар вам, бояре!* Вымывшись, благодарят хозяина бани: *На пару! на бане!* (Даль, 1996. Т. 3. С. 20). Вернувшегося приветствуют: *С легким паром!* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 176). Собственно говоря, именно пар и делает баню баней: *Без парки и бани-то нет* (Кар 99/03¹³); *Баня без пара — что щи без навара* (Мартынова, Митрофанова, 1986. С. 141). Правильно устроенная, то есть парная, баня символизирует вообще идеальный ход вещей, предписанное развитие событий. Здесь для нас особенно интересны те изречения, которые ориентированы на нарушение нормы¹⁴: *Ни жару, ни пару*, ‘никакого толка’; *Веников много, а пару нет* (Даль, 1996. Т. 3. С. 20).

Интересно отметить, что, постоянно обращая внимание на пар, ни пословица, ни загадка не называют его составляющих — воды и огня, по крайней мере обоих вместе, во взаимодействии. Вода может быть упомянута в текстах, описывающих творение пара: *Старичок неказистый, кошель с камнями на спине, по сто ушатов воды выпивает; На черного быка не надюжить молока* (Митрофанова, 1968. С. 95). Огонь же — почти никогда¹⁵ (правда, иногда упоминается дым: *Где-то, где-то дым идет, где-то, где-то веники шумят* — Там же), хотя раскаленная печь-каменка в загадках присутствует: *Стоит свинка — золоты щетинки, рукой взять нельзя* (Там же) и даже издает звуки, когда на нее попадает вода: *Полна поветка воробышков — сидят, не летят, почирикавают; В осиновом колке воют волки — дваста, триста, полсорока* (Там же). Чаще всего, однако, каменка сравнивается с домашними животными: *Пятьдесят поросят в один голос голосят; Черная корова целый ушат воды выпила* (Мартынова, Митрофанова, 1986. С. 422); *Затопали кони на Елоховом поле, заревели быки на Ивковке* (Митрофанова, 1968. С. 95). Кажется, было бы естественно ожидать, что огонь и вода будут представлены в бане в качестве активных персонажей. Однако «брачный поединок огня и воды»¹⁶ (во всяком случае, на уровне паремий) здесь не угадывается. В загадке действуют другие сексуальные партнеры — веник и женщина: *Пришел мяготель, / Схватил за бочень, / Я ему дала: / Кверху ножки подняла, / Сладко, мягко — так и хочется!* (Миненок, 1995. С. 375)¹⁷; *Дедушка Сидор на бабушку прыгал* (Садовников, 1876. С. 324).

Следующее поле значений, группирующихся вокруг бани и парения, — удовольствие. О довольном человеке можно сказать: *Счастливей, как из бани* (Жуков, 1991. С. 377). Баню относят к основным радостям жизни: *Палка на палку — плохо, банька на баньку — дай бог каждому* (Зимин, Спириин, 1996. С. 176); *Банька — не нянька, а хоть кого ублажит* (Жуков, 1991. С. 377), причем удовольствие это доставляется именно парением: *Душа любит прохладу, а плоть — пар* (Даль, 1996. Т. 3. С. 255); *Любо, что на полке!* (Там же); *Полок мягче перины* (Там же). Это плотское удовольствие явно из области греховных и противопоставлено духовному подвигу: *Постничай по середам, ходи в баню по субботам* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45), но при этом оно не отвергается, а четко локализуется во времени по принципу: всему свое время. Особенно следует отметить тот факт, что, в отличие от прочих плотских удовольствий (скромная еда, развлечения, сексуальная жизнь и т. д.), на баню нет запрета во время поста (*Баня не заговенье* — Даль, 1994. С. 365). Регулярная, по субботам, топка бани отражена и в загадке: *Пришел зелена в субботу в вечеря* (Митрофанова, 1968. С. 372); *По сараю хожу и рыкало ищю — завтра суббота, и рыкаться охота. Суббота пришла и рыкаться пошла* (Миненок, 1995: 373)¹⁸. Необходимость еженедельного посещения бани выражена в шуточной заповеди: *Помни день субботний: иди в баню!* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45).

Судя по множеству контекстов, удовольствие, связанное с баней, приравнивается к сексуальному наслаждению: *Кабак да табак, баня да баба — одна забава* (Даль, 1996. Т. 3. С. 255). Особенно ярко это проявляется в загадке, где сам процесс парения в бане кодируется почти исключительно в терминах, описывающих сексуальные действия:... *как сладко, как мягко, еще хочется!* (Миненок, 1995. С. 374);... *любо-хорошо; еще хочется!* (Садовников, 1987. С. 324)¹⁹. Характерно, что загадка использует и обратный ход — загадывание сексуальных действий и символов в «банных» терминах: *Баня кожана, двери силены, один парится, двое набиваются* (Подюков, 1995. С. 372); *Баенный порог выше каменки, 'беременная женщина'* (Миненок, 1995. С. 375). С любовной, чаще всего эротической темой связана баня и в частушке: *И туда — баня, / И сюда — баня. / У меня ухажер, / Ухажер Ваня* (Старшинов, 1992а. С. 66)²⁰. В русской загадке сексуальная символика придается технологическим процессам²¹: возделыванию земли (пахота), обработке льна, тканью, а также различным предметам — печи, коромыслу, рукавицам, посуде, замку с ключом и другим. По замечанию А. К. Байбурина, «наиболее "естественным"» кодом для технологических процессов является, по видимому, их предстативность в терминах, мотивах и сюжетах соития... Эта особенность кодирования технологии на специфическом языке является, по всей видимости, отражением архаичных представлений о сходной природе различных процессов и принципиальной возможности их взаимных перекодировок (ср. многочисленные эвфемизмы со-

ития в технологических терминах)» (Байбурин, 1984. С. 211). Недаром парение может уподобляться, например, пахоте: *Наехали миряне на поле сохами, стали пырмовать-ширмовать, промеж ног совать — все ярко, все сладко, все хочется!* (Миненок, 1995. С. 375). «Сходной природой» этих процессов следует, вероятно, считать акциональное подобие, связанное с ритмичностью действий; но это также и создание нового предмета, состояния или качества, т. к. именно о творении идет речь во всех упомянутых контекстах.

Часто встречается в загадках, связанных с баней, глагол *бить*²² (*Маленький, пузатенький, по городу ходил — всех людей перебил и озеро напустил* (Пейзен, 1903. С. 356), и главная роль в парении отводится венику: *Не велик голик, а в бане и он царь* (Жуков, 1991. С. 381). В загадке веник — мужской персонаж, играющий активную (агрессивную или сексуальную) роль (Адрианова-Перетц, 1996. С. 524). В пословицах актуализируется и переносное значение глагола *парить*: *задать баню — сделать строгий выговор; распечь, разбранить; высечь розгами* (СЛРЯ АН²³, 1892. С. 7349): *Дам баню, что до новых веников не забудешь; Не поминай бани: есть веник и про тебя* (Даль, 1996. Т. 1. С. 45).

Как показывает этимология древнерусского названия бани (*перть*), в материале малых жанров оказываются свернутыми значения индоевропейского корня **per-*, связанные с поркой, битьем. К этому корню восходят не только индоевропейские имена Бога Грозы, но и многочисленные глаголы со значением ‘бить’, ‘пороть’, ‘хлестать баннным веником’ и т. д., а также ‘спорить’, ‘бороться’, ‘противостоять’ и т. п.²⁴ Возникает вопрос: не связано ли древнерусское название бани с именем бога грозы у славян и балтов (Перун, Перкунас, Перкон)? Если это действительно так, то в древнем слове, обозначающем баню, объединены ссора, спор, борьба, в ходе которых противники (один из которых, возможно, является богом грозы) секут, бьют, колотят друг друга (в том числе вениками) и при этом потеют. Примечательно и то, что такое значение корня **per-* — ‘хлестать баннным веником’, ‘паарить веником в бане’, как и само название бани — древнерусское *перть*, литовское *pirtis*, латышское *pertis*, связано с балтийскими и славянскими народами (литовцами, латышами, белорусами, северновеликорусами), в культуре которых баня играет важную роль²⁵.

Материал малых жанров позволяет также сделать вывод, что баня является местом, в котором снимаются какие бы то ни было различия между людьми — социальные, возрастные. Это особенно наглядно представлено в загадках: *Маленький, пузатенький, по городу ходил, всех людей перебил и царю не спустил* — веник (Митрофанова, 1968. С. 96); *В лесах родился, пню поклонился, в избе крестился, всех перебил: ребенка в люльке, старца в келье, царя в Москве, короля в Литве* (Там же)²⁶. Характерно, что, фиксируя равенство людей в бане, пословица сравнивает баню с игрой: *В игре, что в бане, все равны* (СЛРЯ, 1922. Т. 3, ч. 1.

С. 62), то есть называет баню местом, где участники «банного действия» имеют, как в игре, определенные, уравнивающие их роли, на время отменяющие социальные роли, которые они исполняют в жизни. Прежде всего, вероятно, это всеобщее уравнивание связано с наготой. По замечанию А. К. Байбурина, «нагота — признак “природного, внеусловного человека”» (Байбурин, 1993. С. 74). На мой взгляд, в случае с баней можно говорить о более полном, тотальном «расподоблении». В бане, сняв одежду, пояс и крест, человек не просто лишается всех признаков, присущих ему как члену социума, — возраста, семейного и социального статуса, религии (и даже пола, если учесть, что в культуре понятие половой принадлежности определяется не только и не столько по природным признакам, сколько по социокультурным — одежда, нормы поведения и т. д.²⁷), — собственно говоря, он утрачивает даже статус человека (как мы знаем, именно ношение пояса является приметой, отличающей человека от представителей иного мира). Таким образом, человек в бане играет совершенно особую, «нечеловеческую» роль. Связь «игры» и паренья, намеченная приведенными пословицей и загадкой может оказаться еще глубже благодаря уже упомянутому понятию «борьбы», связанному с баней. Как отмечает В. Н. Топоров, «нераздельная слитность борьбы и игры, “серьезного” и “несерьезного”... может быть продемонстрирована на примере индоевропейского *iag (: *iagos), обозначающего чувство религиозного почитания, благоговения и священного страха, жертвоприносительный ритуал... Недавно было предложено возводить к этому же корню и слав. *jbg-ra, ‘игра’, но и, возможно, лат. *iocus* (**iok-*: *iek) ‘шутка’, ‘острота’, ‘развлечение’, ‘игра’» (Топоров, 1994. С. 45). Эта *игра*, применительно к русской бане, как кажется, может иметь двоякое значение. С одной стороны, очевидна связь ее с *игрищами*, *игранием*, упоминаемыми древнерусскими летописями и поучениями. Хотя до сих пор точно не установлено, что именно стоит за этими словами, очевидно, что речь идет о неких языческих действиях, порицаемых церковной учительной литературой. Таким образом, данные загадки и пословицы косвенно подтверждают мысль о сакральном сюжете, который можно соотнести с *пертью*, опираясь на данные этимологии. С другой стороны, слово *игра* напоминает: то, что происходит в бане, — это все-таки имитация, не «настоящее» действие. Недаром пословица называет баню и развлечением: *Баня да баба — одна забава* (Даль, 1996. Т. 3. С. 255). С игрой связана еще одна загадка: *Во поле в покате, в каменной палате сидит молодец, играет в щелкунец, всех перебил и царю не спустил* — веник (Митрофанова, 1968. С. 95). По форме она более всего напоминает заговор²⁸. Текст же заговора воспроизводит универсальный обряд первотворения, постепенно сужая и сгущая пространство к сакральному центру, в котором и происходит зарождение нового, идеального мира (Шиндин, 1993. С. 108). «Щелкание» веника,

ритмичное движение которого загадка часто уподобляет сексуальным действиям, ведет к творению нового, идеального мира, состояния, существа. По мнению В. Н. Топорова, именно эти действия относятся к сфере сакрального, что позволяет рассматривать баню как один наиболее «высоких», «космических» объектов, имеющих принципиальное значение для ритуального воспроизведения акта первотворения (Топоров, 1999. С. 75)²⁹. Любопытно отметить, что «в Поморье, на Зимнем берегу, первая брачная ночь называлась *байна*, а общий стол у молодых после бани носил название *баенный стол* или *банник*» (Бернштам, 1983. С. 131). В других регионах Северной России этот стол носил название *княжьго* (Терешенко, 1848. С. 205), а баня, в которую водили молодых, называлась *княжьой баней* (Гуляев, 1852. С. 23). Этот пример позволяет со значительной долей уверенности предполагать, что в тех местностях Северной и Средней России, где существовал обычай парения молодых на другой день свадьбы, баня являлась не очищением после соития, а его (соития — *М. В.*) ритуальным воплощением или, по крайней мере, подтверждением. Собственно говоря, не реальные сексуальные действия, а именно банную «игру» в таком случае следует считать воспроизведением «космического брака»; во всяком случае, без «закрепления» баней супружеский акт считался как бы недействительным³⁰ (подобно тому, как ребенок не считался вполне родившимся, пока его не выпарили в бане). Именно после этой бани молодые назывались князем и княгиней, то есть приобретали новый статус — новобрачных. Пословица сравнивает посещение бани с новым рождением, приравнивая в этом отношении баню к браку: *После парной будто вновь на свет родился* (Зимин, Спиринов, 1996. С. 176) и *Жениться — переродиться* (Мартынова, Митрофанова, 1986. С. 213). Свадебная лексика подтверждает такое предположение: свадьба *играется*³¹, то есть участники свадебного ритуала (как и ритуала банного) исполняют роли в некоем «космическом» спектакле, после которого они становятся другими³².

«Сцена» для банной игры тщательно готовилась. Наиболее полная картина подготовки рисуется свадебными причитаниями. Подобно заговорному тексту, специальной формулой творящей идеальный мир для изменения неблагоприятной ситуации, причитания «собирают» мир для правильного перехода девушки в группу замужних женщин. Особо оговаривается, что баня строится заново, — от похода в кузницу для получения плотницкого инструмента до полной готовности; упоминаются все этапы: выбор подходящего леса, рубка бани, перевозка ее на специально выбранное, «красивое» место, поиски чистой воды, топка особыми дровами; подчеркивается правильность всех элементов и действий, то, что баня топлена *без измены*³³; после этого в том же причитании невеста приглашается в баню: *Тепла баенка натоплена, / Ключева вода nanoшена, / Ты пожалуй-ка, подруженька, / Во теплу во парну баенку* (Кар 99/37).

Подруги подчеркивают, что их действия не произвольны: они выполняют то, за чем посылает их невеста: *Мы не сами собой пошли, / Посылала наряжала / Да любая подруженька* (Куклин, 1900. С. 108)³⁴.

В обрядах жизненного цикла (родильных, свадебных) существенную роль играло происхождение воды: ее брали из нескольких источников — лесных ручьев или колодцев, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, иногда пропуская два и беря воду только из третьего. Например, в свадебном причитании³⁵: *Лишь в третьем колодце / Водушка чистая, серебристая, / Почернушка золоченая...* (Певин, 1893. С. 231); *С третьей струи зачерпните золотым ковшом* (Шмаков, 1903. С. 61)³⁶ набирали по течению (Янович, 1903. С. 71) или против него (Зобнин, 1898. С. 151), в нее добавляли святую, наговоренную воду³⁷, золото, ртуть (Логинов, 1993. С. 52). В ряде лечебных обрядов (и для взрослых, и для детей) использовали «молчаную воду», которую набирали и приносили в полном молчании³⁸.

Специальное внимание уделялось дровам, их также тщательно подбирали и по виду, и по качеству: *Лучшие дрова — березовые, сухие, воздух от них чист и здоров, но без коры, чтобы с дымом копать не шла* (Кар 99/07). Дрова для новорожденного должны быть сухими, среди них не должно быть осиновых поленьев («осина всю нечисть притягивает») и чересчур смолистых («смола вытопится, убыль будет») (Логинов, 1993: 52)³⁹. Свадебные причитания сохранили поэтическое описание дров, которыми топились баня невесты: *Мы топили парну баенку / Ни дровцами жаровитыми, / Растопляли парну баенку / Ни лучиною сосновою: / Растопляли парну баенку / Кувиль травушкой шелковою, / Растопляли парну баенку / Мы цветоцьками иваньскими* (Колобов, 1915. С. 50); *Я топила парну баенку / Про сестрицу про голубушку; / Я — тремя дровам всё разным: / Я первым дровам малиновым, / Я другим дровам калиновым, / Я третьим дровам березовым* (Лавров, 1905. С. 229); *Ты возьми, моя божатушка, / Ты косарь да саблю вострую, / Да отщепи, моя божатушка, / Лучинушку-трещиночку, / Да затопи-ка теплу банюшку* (Неступов, 1903. С. 52).

Особое внимание уделялось главному банному «орудию» — венику⁴⁰. Основной материал, который употреблялся для изготовления веников, — береза; иногда используются также веники дубовые, можжевеловые, крапивные⁴¹. В некоторых случаях веники делались из трав, собираемых в Иванов день⁴². Важную роль играл веник в невестиней бане. В причитаниях он имеет постоянный эпитет *шелковый*. Свадебные причитания описывают его изготовление: *Сослужите еще службу великую, / Вы сходите во темны леса, / Вы повыдерните березу кудреватую, / Чтob на той березе кудреватой / Сидела горька бедна кукушечка*⁴³, *Вы нарежьте мне, сизой касатушке, веничек, / Принесите его в ту баенку парную* (Шмаков, 1903. С. 61). Нередко его украшали ленточками и бумажными цветами, девушки возили его по всей

деревне (Липинская, Сафьянова, 1978. С. 191). Защитную силу приписывали венику, которым парили младенца, впоследствии его использовали при заговаривании ребенка от уроков и призоров (Логинов, 1993. С. 54); он использовался как оберег родильницы (его клали возле матери, если надо было оставить ее в бане одну⁴⁴). Веник, которым парили родильницу, использовался как оберег для ребенка (Кобырин, 1900. С. 56; Авдеева, 1842. С. 148; Логинов, 1993. С. 53)⁴⁵.

Когда «сцена» была полностью подготовлена, начиналось парение, во время которого важная роль отводилась вербальному компоненту: причитанию, заговору, приговору. Во время мытья невесты подружки пели свадебные песни (Певин, 1893. С. 231); повитуха, правя младенца, произносила специальную формулу⁴⁶; даже во время обычной субботней бани, обливая детей водой, приговаривали: «Вода кипуча, младенец растущий, водичка вниз покатись, Сашенька вверх подрастись» (Адоньева, Овчинникова, 1993. С. 29).

Картина, создаваемая в свадебных причитаниях, вполне подобна той, что рисует лечебный или присушный заговор. Сходным получается и результат: человек выходит из бани другим, не таким, как вошел в нее, — здоровым, счастливым в браке и удачливым в делах. Это тот самый результат, который знаком нам по материалу пословиц. Таким образом, на основе фольклорного материала баня предстает как место перемен, создания нового, правильно устроенного мира.

Примечания

¹ В настоящей статье рассматриваются не все жанры русского фольклора, связанные с темой бани. Исследование построено на анализе преимущественно пословиц и загадок и, кроме того, заговоров, причитаний.

² Так, метла, например, применяется в обрядах, связанных с улучшением плодоношения садовых деревьев или исправлением дежи, с ее помощью можно поссорить молодых или лишить мужчину сексуальной силы и т. д. ; в различных ситуациях актуализируются разные признаки метлы: ее связь с мусором, многосоставность, связанность, внешний вид, напоминающий мужскую бороду, сфера применения (женское занятие) и т. п. Но прежде всего она используется для метения пола, наведения чистоты в доме. Это применение метлы отражено на всех уровнях «свертывания мотива», начиная со слова и кончая развернутыми сюжетными текстами. Например, само слово *метла* связано с глаголом *мести* и означает именно орудие, которым *метут* пол. Пословицы, в которых упомянута метла, также используют именно это, практическое ее свойство: *Новая метла чисто метет*. Какие бы символические действия ни производились с помощью метлы, ее основное применение не вызывает сомнений и ясно эксплицировано в языке, на уровне слова и паремии.

³ Согласно замечанию Г. А. Левинтона, «такие тексты... выполняют функцию словаря мотивов, которые в этих жанрах закодированы в форме, более

эксплицитной, чем в отдельном слове или фразеологизме, тропе и т. д., но при этом в более компактной и удобозапоминаемой, чем в повествовательной сюжетной реализации мотива. Речь идет о словаре как «толкователе», а не просто о списке» (Левинтон, 1988. С. 148).

⁴ В данном случае я не рассматриваю категорию чистоты нравственной, ибо освобождение от грехов, *смывание, спаривание* их, на мой взгляд, можно интерпретировать как обретение нового статуса, о чем речь ниже.

⁵ Младенец после бани получает статус человека: в бане ему «правят» все члены, выгоняют «щетинку», после чего он приобретает настоящий человеческий вид. «Правление» требовало нескольких сеансов. «У русских повсюду существовало мнение, что дети рождаются как бы сматыми (то есть не готовыми, не «настоящими» — М. В.) и должны быть расправлены в бане повитухой на второй или третий день... Операция парения длилась по целой неделе и долее» (Урал, 1996. С. 133); «Здесь каждая женщина старается разродиться в бане; как только ребенок родится, его повитуха обмоет, перевяжет пупок, попарит, пошепчет над ним каких-то заклинаний, подует, поплует и пр. Несколько недель подряд детей носят в баню» (Рядчин, 1911. С. 684). Над больным ребенком иногда проделывали процедуру вторичного рождения: «Ребенка вымоем и ставим матери промеж ног, обкатываем и говорим: *От чего мое дитяtko родилось-зародилось, тем и пользуйся*» (Савушкина, 1980. С. 170). Подробно обряды «доделывания», а точнее, настоящего «делания» новорожденного см.: Байбурин, 1993.

⁶ Родильница, которая во время родов «не имела души» (Логоинов, 1993. С. 48: *Уродилки души нет*), «лежала на божьей ладони», сходя в баню определенное число раз, вновь становилась полноценным членом социума. Так, например, в Заонежье после трех бань мать могла «выходить на работу, спать с мужем, ходить в гости, есть мясо, есть со всеми за столом, доить корову, месить тесто, трогать иконы, ходить в церковь и на кладбище» (Там же).

⁷ Вернувшись из бани, невеста исполняет причитания, в которых оплакивает свою девичью волю. В них описывается бабья кика, которая «сшибла с девушки красоту» (Куклин, 1900. С. 108). Невеста в причитаниях после бани называет себя «бедной горяшечкой» (Максимов, 1916. С. 245) — наименование молодой женщины, тоскующей в доме мужа по родным. К бане невесты было приурочено расплетание косы и чесание головы (как известно, манипуляции с волосами, прической связаны с изменением статуса). В одном из причитаний говорится, что до бани косу невесте плетет подруга, украшает ее лентами и жемчугом, а после бани *свах* срывает ленты, высыпает жемчуг (Там же. С. 255).

⁸ В данном случае имеются в виду причитания — важный компонент вербального кода свадебного обряда. Ср.: *По рукам, да и за слезы* (Урал, 1996. С. 141).

⁹ Мне неизвестны какие-либо этнографические свидетельства о процедурах в бане, связанных с разводом. Данная поговорка, приводимая Далем, — единственное упоминание. Возможно, она существует вне связи с практикой, как чисто вербальное описание (подобно фразеологизму *Не разлей вода*).

¹⁰ См., например: Сахаров, 1997. С. 115; Соколовы, 1915. С. 518 и др.

¹¹ Материалы Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. Архив РЭМ, ф. 7.

¹² «В северных говорах *перть* может быть обозначением жилого дома, но, вероятнее всего, это обратное заимствование. Из русского языка слово было усвоено карелами, ср. карельск. *periti* ‘изба’. Отсюда в русском языке *перть* — ‘карельская изба’ (арханг.). С течением времени *перть* могло выпасть из словаря русских говоров, но оно могло сохраниться в говорах карел со значением ‘изба’ (переход значений *баня* > *изба* мог произойти на базе общего признака ‘теплое место’ > ‘жилье’); отсюда в русских говорах *перть* стало обозначать именно карельскую избу; для понятия *баня* в северных говорах укрепилось более новое слово, чем *перть*, — *байна*. Слово *перть* отражено и в балтийских языках (ср. лит. *pirtis* ‘баня’); по-видимому, *перть* — старое славяно-балтийское слово» (Карто-тека Словаря русских народных говоров).

¹³ Кар 99/03 — Материалы, собранные студентами Карельского государственного педагогического университета. Первая цифра означает год, вторая — номер записи. Архив автора.

¹⁴ Как отмечает В. Успенский, «представления о дефектном состоянии предмета весьма помогают формированию представления о его правильном состоянии» (Успенский, 1997. С. 147).

¹⁵ Кажется, единственное исключение: *Черная комолая корова — воду пьет, огонь ест* (Митрофанова, 1968. С. 95).

¹⁶ См.: Иванов, Топоров, 1974. С. 224.

¹⁷ Большое количество подобных примеров опубликовано в сборнике: Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 374–425.

¹⁸ Другая загадка о времени устройства бани: *Летели 3 воробья: — Тебя скольк кормят? Меня сутки на сутки. — Меня с недели на неделю. — А меня с году на год (печь, баня, овин)* (Мартынова, Митрофанова, 1968. С. 372).

¹⁹ Ср. белорусскую загадку: *Приехал мужик у неделю, у зилияню; Я яму дала, нагу подняла; Засвярбить, забалить, зацакочитца — И ящо хочитца* (Добровольский, 1905. С. 80).

²⁰ Глагол *парить*, неотделимый от бани, употребляется также в значении ‘futueram’ (отсюда — значение ‘морочить голову’, ‘обманывать’), что подтверждается и сходными значениями глаголов *бить* и *пороть*. Кроме того, это значение может быть связано с омонимом *париться* (от ‘пара’), ‘дружить, проводить время вместе, гулять парами’. Костром. ‘объединяться с кем-либо для совместных действий’; 2). спариваться (о животных) (Словарь русских народных говоров. Т. 25. С. 230). Большинство частушек, связанных с темой бани, ярко эротичны и посвящены сексуальному общению. Как отмечает А. Л. Топорков, «в эротической частушке мир существует в состоянии сексуальной гиперактивности» (Топорков, 1995. С. 13), и бане в этом гиперсексуальном мире отводится не последнее место (см., например: Волков, 1999; Кулагина, 1995. С. 440–501; Старшинов, 1992б. С. 90 и др.).

²¹ Об эротической символике многих ремесленных действий писал еще З. Фрейд, на что обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц в статье о русских загадках (см.: Адрианова-Петретц, 1996).

²² *Бить* — также один из эвфемизмов соития. Ср. эвфемизм *трахаться* в современном сленге, употребляемый в том же значении; также *битка* в барковiane XVIII века (Девичья игрушка..., 1992. С. 403; там же и в том же значении глагол *пороть*).

²³ Словарь русского языка, издаваемый вторым отделением Академии Наук.

²⁴ «Исходный индоевропейский глагол **per-* (*per-g*) ‘бить, ударять’, от которого образовано и индоевропейское имя Громовержца — **Per(k)uno-*, продолжается некоторыми производными в различных индоевропейских языках... но наиболее полно представлен в балтийских и славянских: см. лит. *perti* (1 л. ед. ч. *periu*) ‘бить’, ‘лупить’, ‘сечь’, ‘пороть’, ‘хлестать баннным веником’; лтш. *pert* (*peru*) ‘колотить’, ‘пороть’, ‘парить (в бане)’, *periens* ‘порка’, *pireties* ‘ссориться’, праслав. *perǫ, к которому восходят: др. -русс., ст. -слав. прѣти ‘ссориться’, др. -русс., цслав. *пья* ‘борьба, спор’, рус. *переть*; *prati, откуда др. -русс. *прати* (*перу*), цслав. *прати*, рус. *прать* ‘колотить (вальком бельё)’, рус. *прать* II ‘давить, топтать’ (например: *попрать*)... к праслав. *perti с префиксом *so-* восходят ст. -слав., др. -русс. *прѣти*, *випрѣти* ‘взопреть, сопреть’, и др. -русс. *супрь*, рус. *соперник*» (Васильков, 1999. С. 357–358).

²⁵ Из сказанного здесь еще не следует, что древнерусская баня была местом воспроизведения языческого ритуала, связанного с «основным мифом». Тем не менее очевидно, что в самом слове *перть* свернут некий индоевропейский сюжет, который, возможно, уже не был эксплицитно представлен в балтийских и древнерусской культурах.

²⁶ Ср. загадку православных эстонцев Псковской губ.: *Зеленый гусь, голая голова, валит на землю старосту, на бок царя деревни* (Трусман, 1891. С. 51).

²⁷ В этой связи уместно заметить, что в городской культуре XIX–XX вв. баня часто использовалась для гомосексуального соития: именно в банях процветала мужская проституция. См., например, романы Мих. Кузмина.

²⁸ «*На море-окияне, на острове на Буяне, стоит тут мыльня, в той мыльне лежит доска, на той доске лежит тоска. Пришел я, раб божий (имярек), что ты, тоска, тоскуешь и горюешь? Не тоскуй, тоска, не горюй, тоска, уступи, тоска, рабу божию (имярек). Чтобы она тосковала и горевала по мне, рабу божию...*» (Зенбицкий, 1907. С. 6).

²⁹ Интересно отметить, что отдельные предметы банного обихода в загадке нередко имеют анаграмматическую кодировку, а это, согласно наблюдениям В. Н. Топорова, позволяет относить их к профанической сфере: «Бытовые профанические предметы нередко кодируются при помощи имен собственных, тогда как это исключено (как правило) в сфере “космических” загадок, где сами объекты ответов (Вселенная, Небо, Солнце, Месяц, Земля и т. п.) выступают, по сути дела, как имена собственные» (Топоров, 1999. С. 75). Таких загадок о банной утвари немало: *МалЕНЬКий ЕроФЕЙКо подпоясан хорошЕНЬКо; Стоит ЕроФЕЙКа подпоясан коротЕНЬКа; Бабушка АлЕНА, шубка зелЕНА* — вЕНИК (Сахаров, 1997. С. 182); *Пришел зелЕНя в субботу в ВЕчера; Митька зеленЕНЕК, ниткой перетянут* — вЕНИК; *УнаШей ТУШи выросли УШи, а головы нет* — УШАТ (Митрофанова, 1968. С. 95–96). Сама же баня никогда не загадывается в такой манере.

³⁰ В случае, если супружеский акт по каким-то причинам не состоялся (из-за болезни, неопытности или порчи молодого), баню для молодых не топили (Шаповалова, Лаврентьева, 1985. С. 293).

³¹ О значении *игры* в свадьбе см: Панченко, 1999. С. 93 (со ссылкой на устное сообщение Г. А. Левинтона).

³² Летопись противопоставляет брак *игришу*: «И браци не бываху у них, но игрища межю селы...» (ПВЛ, 1996. С. 10). Ср.: в украинском языке *грати* употребляется в значении ‘futueram’.

³³ Даже в том случае, если в причитании и не описывается строительство новой бани для невесты, это может быть упомянуто: *У нас баня-то новая, / Передбанние тесовое* (Непеин, 1914. С. 529; ТА № 249).

³⁴ Во время невестинной бани далеко не всегда исполнялся весь набор упомянутых причитаний. Чаще всего их было гораздо меньше; нередко вся песенная часть банного обряда сводилась к двум небольшим причитаниям. Подходя к бане, невеста или подруги пели: *Затопися, баненька! / Раскалися, каменка! / Расплачься, княгиня-душа...* (Киреевский, 1911. С. 56). Весьма частым завершением банной процедуры невесты было символическое разрушение бани, невеста обращалась к ней: *Раскатитесь вы, серы сыгучи камешки, / В той парной мьльной баенке! / Развались ты, мьльна баенка, / Со верхнего бревна до нижнего / После меня, сизой касатой голубушки!* (Шмаков, 1903. С. 61). И. Вахрос отмечал, что оба причитания «конструктивно императивны и имеют характер заговора». Им подробно описаны оба причитания во множестве вариантов (Vahros, 1966. С. 326).

³⁵ Вода из трех колодцев, которую набирает Николай-угодник для лечения больной царевны, упоминается в сказке из сборника Садовникова (Садовников, 1884. С. 266–268). «Собирание» воды из нескольких мест известно не только из фольклорных, но и из этнографических источников; так, для бани родильницы «воду брали из трех разных колодцев или из трех лесных источников (реже — при слиянии трех лесных ручьев)» (Логинов, 1993. С. 52).

³⁶ См. также.: Дилакторский, 1903. С. 47; Майнов, 1914. С. 53; Неуступов, 1903. С. 59.

³⁷ *Мать-река кормилица, раба-девица, в этой реке купался Иван да Марья, брала воду раба божья* (имя того, кто берет воду) *рабу божьему* (имя ребенка) *на крепкий сон, на долгий век* (Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 39. Ед. хр. 200).

³⁸ «Дети, бывает, переполошатся — их лечат в черной бане. Воду в речке берут — обязательно против течения. Это вода “молчаная”: ее как нести — ни с кем не говорить. Ну и угольки туда побросать и сказать: от Божьей милости, от переполоха, от призора. И стоит эта вода в черной бане. Водой этой умывают и говорят: откуда пришло, туда и пойдя. Два раза повторить надо. Даже взрослых так лечат» (Аникин, 1998. С. 64).

³⁹ В Латвии перед крестинами в «банний вечер» для мальчика добавляли в печь дубовые дрова, а для девочки — липовые (Трейланд, 1885. С. 174).

⁴⁰ В Вятской губ. (и не только) банний веник назывался *виник*. «*Виник* — веник березовый, т. е. связанный из березовых прутьев с листьями. Употреб-

ляется для парения в бане. Метут в избе уже веником опаренным... Вязание веников особенно возбуждает деревенских детей, а парение свежим веником доставляет наслаждение пожилым людям» (Васнецов, 1949. С. 31).

⁴¹ Карельская свадебная причеть называет кленовые, ольховые, рябиновые веники (Никольская, Сурхаско, 1992. С. 74).

⁴² «Из купальниц... на Иванов день связывают венички и парятся в бане, чтобы вывести из тела все нечистоты и болезни, накопившиеся в течение года» (Зеленин, 1914. С. 36). В Новгородской обл. до сих пор делают веники с «ивановской травкой» — иван-да-марьей — и парятся ими; в прежние времена их бросали на потолок бани и гадали, в какую сторону замуж идти [ЕУ-хвойн-99 — материалы архива полевого центра Европейского университета в Санкт-Петербурге, экспедици в Хвойнинский р-н Новгородской обл. 1999 г.].

⁴³ Кукушка в лирической поэзии — символ не девицы, а молодой женщины.

⁴⁴ Зеленин, 1914. С. 224; 1915. С. 809, 856. Ср. у карел: веник, которым дедушка мылась перед Ивановым днем, хранили вместе с «кусочком мыла, коровьего масла с полотенцем, старинной серебряной монетой, солью, пясточкою ржаной муки и иногда с лентой от косы» для поднятия *lembi* — девичьей привлекательности, славетности (Лесков, 1895. С. 291).

⁴⁵ Ср. у карел: «Отпавшую пуповину ребенка засовывали в обрубленный комель веника, которым парили роженицу и новорожденного в бане. Такой голик заворачивали в тряпку и узелок держали при ребенке, когда его носили в баню, ездили с ним в гости и т. д. Веник клали возле колыбели, если оставляли ребенка одного» (Конкка, 1980. С. 10).

⁴⁶ *Не я тебя парила, / Не я тебя правила; / Парила и правила / Бабушка Саломонида; / Из Заморья приходила / Да здоровья приносила, / Да вот этак приговаривала: / Ты не слушай, мое дитячко, / Где не так приговаривают, / Где петухи крикуют поют, / А слушай, мое семечко, / Кто добры речи говорит* (Дешко, 1867. С. 662).

Литература

- Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842. 153 с.
- Адоньева С. Б., Овчинникова О. А. Традиционная русская магия в записках конца XX века. СПб.: Френдлих-Таф, 1993. 175 с.
- Адрианова-Перетц В. П. Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. 519–528.
- [Аникин] Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Ред. В. П. Аникин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 480 с.
- Байбурин А. К. К описанию структуры славянского строительного ритуала // Структура текста. М.: Наука, 1984. С. 210–215.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья в XIX–начале XX вв. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1983. 233 с.

- Васильков Я. В.* Индоевропейская поэтическая формула в мордовском обрядовом тексте // ПОЛИТРОПОН. Сборник статей, посвященный 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1999. С. 357–358.
- Васнецов А.* Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губ. в 1868–1894 гг. Киров: Кировское областное государственное издательство, 1949. 244 с.
- [*Волков*] Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова: В 2 т. М.: Ладомир, 1999. Т. 2. 766 с.
- Гуляев С.* Свадебные обряды в Ярославской губернии // Вестник Императорского географического общества. 1852. № 5: 17–25.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Изд. Дом. «ННН», 1994. 613 с.
- Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТОО «Диамант», 1996.
- Дешко А. П.* Памятники русской народной словесности // Зап. Императорского географического общества. Отд. этн. Т. 1. СПб., 1867. С. 671–694.
- Дилакторский П. А.* Свадебные обряды Вологодской губ // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 25–51.
- [*Добровольский*] Загадки, записанные в Смоленском уезде членом сотрудником Императорского Русского географического общества В. Н. Добровольским // Живая старина. 1905. № 1. С. 77–96.
- Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 536 с.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества: В 3 т. Пг., 1914–1916.
- Зенбицкий П.* Заговоры конца XVII в. // Живая старина. 1907. № 1. С. 1–6.
- Зимин В. И., Спиринов А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 543 с.
- Зобнин Ф.* Усть-Ницынская слобода, Тюменского у., Тобольской губ. // Живая старина. 1898. № 2. С. 125–157.
- [*Иваницкий*] Народные песни Вологодской губ., собранные Н. Иваницким // Вологодские Губернские ведомости. 1884. № 5. С. 7–8.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
- [*Киреевский*] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1: Песни обрядовые. М., 1911. 356 с.
- Колобов И. В.* Русская крестьянская свадьба Олонейской губ., Пудоожского у., Корбозерской вол. // Живая старина. 1915. № 1–2. С. 21–90.
- Конка У. С.* Семейные обряды // Духовная культура сегозерских карел. Л.: Наука, 1980. С. 31–88.
- Кофырин Н.* Суеверия крестьян с. Песчаного Пудоожского уезда. Петрозаводск, 1900. 35 с.

- [*Частушки*] Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 286 с.
- Куклин М.* Свадьба у великорусов (Вологодской губ.) // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 79–114.
- [*Кулагина*] Эротика в русской частушке / Публ. А. В. Кулагиной // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 440–501.
- Лавров К.* Свадебная плачня (Новгородский уезд Новгородской губ.) // Живая старина. 1905. № 2. С. 226–232.
- Левинтон Г. А.* К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Ч. 1. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1988. С. 148–152.
- Лесков Н. Ф.* Поездка в Корелу // Живая старина. 1895. № 3–4. С. 279–297.
- Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978. С. 180–201.
- Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 228 с.
- Майнов И. И.* Свадьба по реке Илиму // Живая старина. 1914. № 1. С. 49–66.
- Максимов И.* Свадебные обряды крестьян Лужского у., Петроградской губ. // Живая старина. 1916. № 4. С. 237–262.
- [*Мартынова, Митрофанова*] Пословицы, поговорки, загадки / Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 511 с.
- [*Миненок*] Загадки из фольклорного архива МГУ / Публ. Е. В. Миненок при участии Ф. С. Капицы // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 374–425.
- [*Митрофанова*] Загадки / Подгот. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.
- Ненеин А.* Венок на свежую могилку старой русской народной песне // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 17. С. 523–531.
- Неуступов 1903:* А. Д. Неуступов. Крестьянская свадьба Васьяновской волости. // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 52–69.
- Неуступов А. Д.* Народная медицина в Кадниковском у. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 15. С. 681–689.
- Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С. 52–78.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // Русская история и культура. Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 518 с.

- [ЛВЛ] Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарий. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Наука, 1996. 668 с.
- Певин А. Народная свадьба в Толвуйском приходе, Петрозаводского у. Олонецкой губ. // Живая старина. 1893. № 2. С. 219–248.
- Пейзен Г. Пейзен. Этнографические заметки Минусинского и Канского округов Енисейской губ. // Живая старина. 1903. № 3. С. 297–357.
- [Подюков] Пермские загадки (публ. И. А. Подюкова) // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 426–43 1.
- [ППЗ] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. 289 с.
- Рядчин А. Жизнь в Холмогорах и его уезде // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 8–9. С. 676–687.
- [Савушкина] Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской обл. (1970–1972) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: Изд-во МГУ, 1980. 352 с.
- Садовников Д. Н. Загадки русского народа. СПб., 1876.
- Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. СПб.: Литера, 1997. 416 с.
- Снегирев И. Словарь русских пословиц и поговорок. Нижний Новгород: Три богатыря и Братья славяне, 1996. 621 с.
- [Соколовы] Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., Изд-во ОРЯС, 1915. 666 с.
- [Старшинов, 1992а] Разрешите вас потешить / Сост. Н. Старшинов: В 2 т. М.: Столица, 1992. Т. 2. 189 с.
- [Старшинов, 1992б] Ой, Семеновна! Озорные частушки из собрания поэта Н. Старшинова. М.: Байкальская академия, 1992. 206 с.
- Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. 620 с.
- Топорков А. Л. Предисловие // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 5–18.
- Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
- Топоров В. Н. Об анаграммах в загадках // Загадка как текст 2. М.: Индрик, 1999. С. 69–80.
- Трейланд Ф. Я. Крестинные обряды у латышей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 1 / Ред. В. Ф. Миллер. М., 1885. С. 173–205.
- Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. 1891. № 1. С. 31–63.
- [Урал] Н. А. Миненко, М. О. Акишин, С. В. Голикова и др. Традиционная культура русского крестьянства Урала. Екатеринбург.: Уральск. Отд. РАН, 1996. 359 с.
- Успенский В. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1997. С. 146–152.

- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 3 т. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1986.
- [*Шаповалова, Лаврентьева*] Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л.: Наука, 1985. 342 с.
- Шиндин С. Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М.: Индрик, 1993. С. 108–127.
- Шмаков И. Н.* Свадебные обычаи и причитания населения Терского берега Белого моря // Этнографическое обозрение. 1903. № 4. С. 55–68.
- Янович В.* Пермьки // Живая старина. 1903. № 1. С. 52–171.
- Vahros I.* Zur Geschichte und Folklore der Grossrussischen Sauna // FF Communications. Helsinki. 1966. V. LXXXII. № 197. 360 p.